
Междумирье.
В поисках Перуна.

Татьяна Евреинова

Междумирье. В поисках Перуна.

«Автор»
2026

Евреинова Т.

Междумирье. В поисках Перуна. / Т. Евреинова — «Автор», 2026

Когда боги молчат, говорят герои.Земля превратилась в ферму страха. Небо скрыто непроницаемой Сетью. Перун похищен, а древние боги хранят молчание.Казалось бы, тьма победила. Но судьба мира зависит не от небожителей, а от двоих подростков.Славик и Леля находят древнее серебряное блюдце — ключ к Междумирью. Их путь лежит через Явь и Навь, мимо ловушек Бабы Яги и теней Чернобога, к забытым истинам, способным разорвать круг страха.«Междумирье» — это не просто книга. Это первая глава саги, где славянская мифология сплетается с космической оперой. История о том, как память предков побеждает тьму будущего.

© Евреинова Т., 2026
© Автор, 2026

Татьяна Евреинова
Междумирье. В поисках Перуна.

Пролог. Сеть над Землёй

Говорят, у каждой планеты есть душа.

У Земли – особенно сильная.

Она дышит лесами, поёт в реках, шепчет сквозь листву и камень. В её глубинах хранится память не только о том, что было, но и о том, что ещё не родилось. Её сердце бьётся в каждом корне, в каждом вздохе ребёнка, в каждом закате, что тонет в морской глади.

Мир держится не на камне, а на памяти.

Но есть силы, что не знают ни песен, ни слёз, ни тепла прикосновения.

Они приходят из холодной пустоты, где нет ни жизни, ни смерти – только голод. Бесформенный. Вечный. Безымянный.

Их называли по-разному: «чужими», «тенью за звёздами», «серыми». У них не было тел – лишь разум, выточенный изо льда, и жажда, что не утолялась веками. Их существование держалось на энергии, вырванной у живых миров.

Когда они впервые увидели Землю, их холодные сенсоры дрогнули.

С поверхности планеты поднималось странное сияние – не тепло, не свет, а дыхание человеческого духа.

Радость и любовь ускользали, как утренний туман сквозь пальцы.

Но страх? Боль? Отчаяние?

Они были густыми, как смола. Тяжёлыми, как камни в груди. Их можно было собрать.

Хранить.

Пить.

Так началась охота.

Из чрева корабля, похожего на перевёрнутое металлическое блюдце, выползла сеть – невидимая, но ощутимая в каждой бессонной ночи, в каждом вздрогнувшем сердце. Она оплела небо, пронзила атмосферу, легла на города и поля, как паутина на лицо спящего.

Земля стала фермой страха.

Страх кормит тьму. Но даже в кошмаре жива искра.

Но ненасытность не знает меры. Им показалось мало страха и смерти. Они захотели большего – самой сущности планеты, её ядра, её памяти. В их холодных расчётах рождался план великой жертвы: гибель Земли должна была стать вспышкой, чьё излучение насытит их на тысячелетия.

Цивилизации, питающиеся смертью, обречены на голод.

Однако Земля – не безмолвный камень, брошенный в пустоту. В её недрах живёт сознание, древнее, чем человек, чем сама история. Из её воли рождаются силы, что люди позже назовут богами. Они – не просто хранители, но проявления самой планеты, её мысли и чувства, воплощённые в образах света и грозы, воды и пламени.

Жизнь начинается там, где кончается страх.

И когда сеть сомкнулась над небом, когда дыхание Земли стало прерывистым, они пробудились. Так началась великая борьба – не за жизнь одного мира, но за право света существовать во Вселенной.

Глава 1. Огонь Сварога и Тень Сети

Две с половиной тысячи лет назад

В безмолвии космоса, где даже свет звёзд кажется дыханием вечности, неподвижно висел корабль – гигантский, как луна, и столь же безмолвный. Его форма напоминала металлическое блюдце с прозрачным куполом, под которым мерцали огни, похожие на дыхание спящего разума. Гладкая поверхность корпуса отражала холодное сияние звёзд, и казалось, будто сам космос смотрится в это зеркало, не узнавая себя.

Из чрева корабля вырвалась сеть – тончайшая, как паутина света, но несущая в себе мощь разрушения. Она расправилась над планетой, накрывая небесный свод, и переливалась красными, синими и фиолетовыми всполохами, словно ткань мироздания была разорвана и зашита заново. В этом сиянии не было жизни – лишь холодная гармония расчёта, чуждая дыханию Земли.

В хаосе жизни спрятана энергия, которую не измерить.

Внутри корабля царил полумрак. Перед мерцающим экраном неподвижно сидело существо – призрачное, полупрозрачное, будто сотканное из тумана и света. Его очертания дрожали, как отражение в воде. На экране вспыхнули сигналы – новые сгустки энергии: крик матери, потерявшей ребёнка; рыдание старика, провожающего последнего сына; ярость юноши, чья любовь обернулась предательством. Существо безмолвно передало сообщение капитану. Ответ пришёл мгновенно, короткий, как удар клинка:

– Приземлиться.

С небес сорвался снаряд. Он вошёл в атмосферу, оставляя за собой след огня, и обрушился на землю. Взрыв разорвал почву, воздух наполнился криками. Люди выбегали из домов – кто-то плакал, кто-то кричал от ярости, кто-то просто сидел, обхватив голову руками, не в силах осознать случившееся. Над ними, невидимые, наблюдали серые. Их глаза не выражали ни любопытства, ни сожаления. В резервуарах корабля медленно сгущалась энергия – вязкая, тяжёлая, как смола, насыщенная страхом и болью.

Корабль двинулся дальше, скользя над планетой, как тень над водой. Радар уловил новый источник – место, где звучала музыка, где люди смеялись и пели. Это был праздник. Серые направили лучи сбора, но резервуары оставались пустыми. Радость не поддавалась захвату. Она рассеивалась, как солнечный луч, отражённый в воде, не оставляя следа. Сияние счастья не имело плотности, не могло быть заключено в форму.

Радость нельзя запереть в колбу. Она живёт там, где её не ждут.

Разочарованные, они покинули это место, не понимая, что именно в этой неуловимости заключена сила жизни.

В глубинах корабля, среди холодных отсеков, группа серых фиксировала данные. Контейнеры, предназначенные для будущего апокалипсиса, оставались почти пустыми. Их безмолвные разумы отмечали одно и то же: собранного недостаточно. Для их целей требовалось несравненно больше – энергия целого мира, его последнего дыхания.

И потому решение становилось всё очевиднее. В их холодных умах, где не было места сомнению, рождалась мысль, подобная приговору: однажды Земля должна быть уничтожена. И в тот миг, когда эта мысль обрела форму, над планетой словно прошёл едва ощутимый дрожащий отклик – дыхание самой Земли, почувствовавшей взгляд тех, кто задумал её конец.

Несколько лет назад

Шли века. Сотни поколений сменяли друг друга, и города поднимались из праха, чтобы вновь обратиться в пыль. Но сеть над Землёй оставалась. Она была невидимой, как дыхание смерти, и столь же неотвратимой. Серые не спешили – они владели искусством ожидания. Их корабли дрейфовали в безмолвии, подобно теням, что не знают ни начала, ни конца. В их глубинах рождалась новая мысль, холодная, как лёд межзвёздных пустот.

В одной из кают, где не было ни окон, ни дверей, где свет и тьма сливались в одно, собрались двое. Их присутствие не нарушало покоя – напротив, казалось, что сама пустота обрела форму и голос. В комнате царила вязкая тишина. Лишь редкое потрескивание старой лампы под потолком напоминало о времени. Её тусклый свет дрожал, отбрасывая на стены длинные, искажённые тени, будто сама тьма пыталась заглянуть в себя. В центре стоял массивный стол, изъеденный временем. На нём лежала карта мира – древняя, израненная, с выцветшими линиями континентов, похожими на шрамы на теле планеты.

Из глубины темноты раздался первый голос – хриплый, безжизненный, словно говорил не разум, а сама пустота:

– Кто станет охранять их? Если бы они были под защитой, разве мы смогли бы устроить всё это? Войны, эпидемии, хаос… Нет. Тот, кто был поставлен хранить порядок, давно покинул это место. Его здесь нет.

Второй голос прозвучал мягче, но в нём не было ни страха, ни надежды – лишь холодное любопытство, как у наблюдателя, изучающего распад звезды:

– А если он вернётся?

Тишина повисла, как дыхание перед бурей. Лампа мигнула, будто сама боялась услышать ответ.

– Он не вернётся, – произнёс первый голос, и в этих словах звучала уверенность бездны. – Мы не позволим.

На карте вспыхнул свет. Невидимая рука провела по её поверхности, и линии загорелись красным пламенем.

– Земли Славии, от морей до гор… – границы вспыхнули, словно их выжгли калёным железом.

– Сначала мы уничтожим этот славянский мир, – продолжил первый голос, и в его интонации звучал приговор, произнесённый без гнева и без сожаления. – Сотрём память о его Создателе и о том, кто мог бы прийти им на помощь. А затем соберём всё, что останется. Когда контейнеры будут готовы, мы получим то, ради чего пришли.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как камни, и комната будто сжалась от их веса. Внезапно грохот разорвал тишину. Карта вспыхнула ослепительным светом, словно её пронзила молния. На миг всё озарилось белым сиянием, а затем мир вновь погрузился во тьму.

Тьма была густой, как смола, и в ней продолжали звучать два голоса – холодные, безликие, не знавшие ни жалости, ни сомнений. Они говорили о войнах и хаосе, о разрушении и забвении. Их слова ложились на карту мира, выжигая линии огнём. Для серых всё сводилось к формулам: страх и боль – энергия, радость и любовь – пустота. Их разум не знал сострадания, лишь расчёт и голод.

Вечность живёт в мгновении.

Но за пределами их слов и планов, за пределами корабля, что дрейфовал в безмолвии космоса, существовало нечто иное. Серые не слышали его, не могли измерить и понять. А Земля слышала. Она помнила. В её глубинах хранилась память о свете и тьме, о тех, кто был её детьми. Светлые боги были её дыханием, тёмные – её тенью. Одни защищали, другие искали силу в разрушении, но все они были частью её сущности.

Земля – не просто камень, вращающийся в пустоте. Она – живое существо, дитя космоса, рождённое из первосвета. В её недрах спала память о начале времён, и эта память была её силой.

Память жива, пока бьётся сердце.

Когда голоса серых стихли, растворившись в безмолвии, над тьмой поднялся иной голос – не холодный и безликий, а вечный, торжественный, как дыхание самой Вселенной. Это был голос Земли, её древней памяти, голос, звучавший ещё до того, как появились первые тени.

Голос, что был ответом на угрозу.

Глава II. Ответ Земли на угрозу

Тьма. Безбрежная, космическая, лишённая формы и времени. Она простиралась во все стороны, не имея ни начала, ни конца. Это была не просто пустота – это был первородный хаос, дыхание небытия, из которого когда-то родилось всё сущее.

И вдруг в этой бездне возникло движение – лёгкое, едва уловимое, словно первый вздох Вселенной. Оно несло в себе предчувствие формы, пробуждение смысла. На фоне вечной тьмы вспыхнула фигура – сияющий узор, подобный вращающемуся тетраэдру. Его линии переливались золотом и серебром, складываясь в ритм, где математика становилась музыкой, а свет – мыслью.

Из бесконечности вырвалась точка света. Она дрожала, излучая сияние, уходящее в вечность и возвращаясь обратно, образуя замкнутый круг. Свет сгущался, уплотнялся и вскоре превратился в яйцо – первообраз, колыбель всего сущего, зерно, в котором спала Вселенная.

И тогда сама бездна обрела речь. Глубокий, торжественный голос, словно вечность заговорила человеческим языком, наполнил пустоту:

– Когда-то, во времена безвременья, когда весь белый свет умещался в крошечном зародыше, существовал Род – Бог-Создатель.

Слова разносились эхом, и каждое из них оставляло след в пустоте, превращая её в пространство, в дыхание будущего мира.

– В начале была мысль Рода, и мысль обрела форму. Род осознал себя в яйце, что плавало в хаосе Утгарда. Не было ни света, ни тьмы, ни ночи, ни дня. Лишь безмолвие и ожидание.

Яйцо росло. Его оболочка переливалась всеми цветами, а внутри зарождалась сила. Род набирал мощь, и с каждым мгновением хаос вокруг становился всё более упорядоченным. В безмолвии рождался ритм, в ритме – закон, в законе – жизнь.

Космос не знает случайности – каждый квант света, каждая волна тьмы, каждый вздох планеты – это часть формулы, которую люди называют судьбой. Но в этой формуле есть переменная, которую не впишет ни один алгоритм: свобода выбора.

– И однажды мир был создан, – произнёс голос.

Яйцо раскололось, и из его недр вырвался свет. Он разлился по космосу, разделяя его на четыре потока, четыре реки, четыре основы мироздания.

– Славь, Правь, Явь и Навь, – сказал голос, и каждое слово стало законом. – Четыре пути, четыре начала, из которых вытекла жизнь.

Свет и тьма переплелись, образуя вечный танец. Радость и страдание, жизнь и смерть, любовь и ненависть – всё обрело своё место в новом мире. Так возникло равновесие, где противоположности не боролись, а дополняли друг друга, создавая гармонию бытия.

С того мгновения началась история – не человеческая, но космическая. История, в которой каждое дыхание, каждый шаг, каждый выбор становился частью великого замысла. История, где свет и тьма больше никогда не могли существовать порознь.

И Земля, дитя этого света, помнила своё рождение. Она знала, что её сила – в памяти, в её корнях, в её истоке. Когда чужие голоса звучали холодом и угрозой, её ответом становилось не возмездие, а напоминание: она рождена из вечности и способна сопротивляться.

В этой памяти таилась тайна. Когда угроза станет невыносимой, Земля пробудит своих детей – тех, кого люди назовут богами. Они восстанут не из пустоты, а из самой её памяти, из глубин, где свет и тьма соединены навеки.

Но серые не понимали глубины этого равновесия. Их холодный разум не знал ни любви, ни памяти, ни смысла. Они искали союзников, и их расчёт был прост: если склонить к сделке владыку тьмы, то сама Земля останется без защиты.

И потому их путь пролёг в глубины Нави – туда, где восседал Чернобог, властитель теней и хранитель пределов между бытием и небытием. Там, где даже свет теряет имя, начиналась новая глава великого противостояния.

Глава III. Зала Чернобога и Совет в Нави

В глубине скалы, где вечная ночь царила безраздельно, простирался зал Чернобога – древний, как сама тьма. Каменные своды, покрытые мхом и инеем, дышали холодом веков. Казалось, что сама скала впитала в себя дыхание бездны и теперь медленно излучала его обратно, превращая воздух в вязкую, почти осязаемую субстанцию. В углу, под гулкое эхо капающей воды, стояли массивные часы. Их маятник качался медленно, будто время здесь утратило смысл, а стрелки отсчитывали не минуты, а вечность. Когда пробило полночь, гулкий звон разнёсся по залу, как удар колокола в пустыне, и тьма будто вздрогнула.

Время в Нави – не линия, а спираль. Каждый удар маятника – это возвращение к началу, но с новой формулой. И пока часы тикают, тень Чернобога растёт, как уравнение, которое не может быть решено.

На возвышении, в центре зала, восседал Чернобог – владыка Нави, повелитель мрака и ночи, хранитель теней и покровитель тех, кто ищет силу в бездне. Его фигура была неподвижна, но от неё исходила тяжесть, словно сама вечность склонилась в этом месте. На груди поблёскивал серебряный символ, отражая редкие вспышки света, и даже дыхание рядом с ним казалось чужим, неуместным.

Перед троном, словно ученики перед учителем, сидели трое: Вий, Кощей и Скипер Зверь. Каждый из них был порождением иной силы, но всех объединяло одно – служение тьме, не из страха, а из древнего долга.

Вий, высокий и грузный, сидел, откинувшись на спинку стула. Его веки, тяжёлые, как каменные плиты, едва поднимались, открывая мутный, сонный взгляд. Он медленно запрокидывал голову, и чем выше она поднималась, тем шире раскрывались глаза, но веки тут же сползали вверх, к самому лбу. Вдруг его нос дрогнул, он сморщился, чихнул, и веки с глухим хлопком вернулись на место. Воздух вокруг него задрожал, словно от тяжёлого вздоха древнего великана.

Кощей сидел рядом, вертя на пальцах кольца. На каждом пальце их было по два-три, и каждый камень отражал тусклый свет по-своему – изумруды мерцали холодом, рубины дышали жаром, сапфиры хранили глубину бездны. Он любовался игрой света, и в его усмешке сквозила самодовольная жадность.

Мысли его текли лениво, как вязкая ртуть: «Платина куда лучше сочетается с изумрудом, чем золото с рубином… А это серебро и вовсе не отличить от платины. И кто сказал, что бриллианты – лучшие друзья женщин? Это мои друзья…»

Скипер Зверь развалился на стуле вольготно, словно хозяин положения. Его хвост, длинный и гибкий, щёлкал в такт с маятником часов. В полумраке блеснули жёлтые глаза, и в их хитром свете чувствовалась угроза, как у зверя, что притворяется сытым, но готов броситься в любой миг.

Чернобог молчал. Его взгляд скользил по каждому из них, и в этом взгляде было нечто большее, чем власть. Это был холод вечности, тьма, в которой исчезало всё живое. Он поднялся с трона, и движение его было подобно приливу – медленное, но неотвратимое.

– Я собрал вас, чтобы показать вам… – начал он, указывая на стену.

– Веки… – протянул Вий глухо, перебивая. – Я не вижу…

Чернобог нахмурился, его пальцы сжались на рукояти трона, и воздух вокруг потяжелел.

– Так вот, я собрал вас, чтобы показать…

– Ну я же не вижу, – снова перебил Вий, запрокидывая голову ещё выше.

Голос Чернобога стал жёстче, в нём зазвучал металл:

– Так, на чём я остановился…

– Поднимите мне веки! – протянул Вий, хлопая ладонями по коленям, словно требуя помощи.

– Да кто-нибудь, поднимите уже ему веки! – взорвался Чернобог.

Его голос ударил по залу, как раскат грома, и мох на стенах дрогнул.

Кощей нехотя поднялся, его движения были точны и раздражённо-ленивы. Он подошёл к Вию, скривился и приподнял ему веки. Затем достал из кармана спички и подставил их, чтобы веки не падали.

– Отлично, – сказал он, протягивая коробок. – Вот, держи. Сам теперь будешь себе поднимать. Отрастил, понимаешь!

Вий протянул руку, взял коробок и протяжно произнёс:

– О-о-о-о… Покажите мне в зеркале. Как я выгляжу?

Чернобог резко развернулся, его крылья дрогнули, отбрасывая на стены тени, похожие на когти.

– Я пришёл вам не твою рожу показывать! – отчеканил он, разделяя каждое слово. – А это!

Он подошёл к стене, дёрнул за верёвку, и вниз опустилась карта – чёрное полотно, на котором мерцали звёзды, галактики и планеты. Свет от неё был холоден, как дыхание космоса. Чернобог взял указку и ткнул в один из объектов.

– Мне обещали вот эту планету! – в его голосе звучал азарт, почти детская жажда обладания. – Новую! Всего за выполнение одного небольшого заказа.

Желание владеть – это не просто голод. Это иллюзия, что, захватив планету, ты заполнишь пустоту внутри. Но пустота – как тень: чем ярче свет, тем длиннее она растёт.

Скипер Зверь приподнялся, хвост его щёлкнул громче, глаза сузились.

– Зачем тебе новая? Чем тебя эта не устраивает?

Чернобог метнул в него указку, и та со звоном ударилась о каменный пол.

– А затем, дурья башка! – рявкнул он, и в его голосе прозвучала сила, от которой дрогнули стены. – Что это моя личная будет! Собственная! Я буду её хозяином! Все на ней будут повиноваться только мне! А при великой нужде я смогу сдавать часть планеты в аренду…

Кощей прыснул в кулак, а затем, щёлкнув пальцами, произнёс:

– При нужде? У меня есть предмет для исправления этого бедствия!

Перед Чернобогом возник золотой горшок, усыпанный драгоценными камнями, с табличкой «горшок для нужды».

– Зацени, какая красота! Подойдёт?

– Я не про эту нужду, дурень! – прогремел Чернобог. – Я про глобальные вещи! Пандемии, кризисы, дефолты! Моя планета станет островом спасения! И я на этом хорошо заработаю!

Вий, всё так же монотонно, протянул:

– Заманчивое предложение. И что мы от этого получим?

– Почёт и уважение! – отрезал Чернобог.

– Ага, – протянул Вий, – как что-то материальное, так всё Кощею, а мне только эфемерность! Как я её в карман положу?

Кощей, не упустив случая, язвительно добавил:

– В руках понесёшь! Если тебе нужно что-то материальное – скажи мне. Я тебе всё дам. За соответствующую часть твоей эфемерности, естественно. У меня своей маловато будет!

Тишина в зале стала плотной, как дым. Маятник продолжал свой медленный ход, и каждый его взмах отзывался в стенах гулким эхом, будто само время прислушивалось к разговору.

– Задание такое: заинтересовать и переманить в нашу честную компанию Перуна! – объявил Чернобог. – Для выполнения заказа нужна сила Перуна, сына Сварога. Только он способен послать молнию, которая испепелит всё вокруг!

Скипер Зверь, его глаза сверкнули янтарным светом.

– Я найду его, – сказал он твёрдо. – Даже если придётся пройти сквозь гром и бурю.

Чернобог кивнул.

– Иди. Но помни: Перун – не враг и не друг. Он – стихия. С ней нельзя спорить, её можно лишь направить.

Скипер развернулся, его хвост скользнул по полу, оставив за собой след, похожий на ожог. Он шагнул в тень, и мгновение спустя растворился в ней, словно никогда не существовал.

Кощей и Вий остались сидеть. Первый задумчиво вертел кольцо, второй уже начинал клевать носом.

– Думаешь, у него получится? – спросил Кощей, не поднимая взгляда.

Чернобог не ответил сразу. Он стоял, глядя в темноту, где исчез Скипер, и его глаза отражали не зал, а бездну.

– Если не получится, – произнёс он наконец, – значит, время ещё не пришло. Но оно придёт. И тогда даже свет не спасёт своих детей.

Он замолчал, и в зале вновь воцарилась тишина. Маятник продолжал свой медленный ход, отсчитывая не время, а судьбу. Взгляд Чернобога потемнел, и в нём отразилось не просто желание – в нём горел голод вечности, стремление властвовать над самим бытием.

Маятник качнулся в последний раз, и звук его удара растворился в тишине. Где-то далеко, за пределами Нави, в небе вспыхнула молния – первая искра над бездной.

Глава IV. Совет Светлых Богов в Прави

В Мире Прави царил свет. Огромный зал, залитый сиянием, будто сам воздух здесь был соткан из золотых лучей, дышал гармонией и покоем. Высокие своды украшали резные узоры, изображавшие древние символы, а в центре стоял круглый стол, гладкий, словно выточенный из цельного куска белого камня. Над ним струились золотые нити света, и казалось, что сама небесная ткань опустилась, чтобы укрыть собравшихся.

Лада, богиня весны и любви, сидела прямо, её золотистые волосы, заплетённые в широкую косу, мягко спадали на плечи. Белое платье с красной накидкой сияло чистотой, а вышитая Звезда Лады словно пульсировала живым светом, охраняя тепло семейного очага. Её пальцы легко скользили по краю стола, словно чертили невидимый узор.

Рядом восседал Белобог – высокий, стройный, с длинными белыми волосами и бородой. Его белая туника и плащ, украшенные красными символами, излучали силу и справедливость. Он был воплощением света и порядка, и даже его сапоги, расшитые золотыми узорами, казались частью сияния, наполнявшего зал.

Даждьбог, бог солнца и изобилия, сиял не меньше. Его золотистые волосы спадали на плечи, а красная туника, расшитая золотыми символами, переливалась, словно сама ткань была соткана из солнечных лучей. Его присутствие согревало, и казалось, что рядом с ним всегда лето.

Жива, богиня жизни, стройная и высокая, была облачена в светло-жёлтое платье с зелёной вышивкой. Её каштановые волосы струились по плечам, а золотой обод с резными красными листьями сиял, словно венец самой природы. Она была воплощением вечного обновления, дыхания земли и её плодов.

Коляда, молодой и весёлый, сидел с лёгкой улыбкой. Его каштановые кудри обрамляли лицо, а белая туника с синими узорами и снежинками напоминала о зимних праздниках. На его плече сидела синица, щебеча тихо, словно подпевая его мыслям. Авсень, рыжеволосый, с

венком на голове, был воплощением урожая и осени. Его светло-коричневая туника с вышитыми колосьями напоминала о полях, наполненных хлебом.

Боги беседовали непринуждённо, их разговоры были лёгкими, словно ветер, играющий в кронах деревьев. Но вдруг двери распахнулись, и в зал вошёл Сварог.

– Ну что, развлекаемся? – его голос прозвучал громом. – Не видите, что в мире творится?! Кто за порядок отвечает?! Где он? Где Велес?

Авсень поднял голову и тихо сказал:

– Нет здесь его.

Жива нахмурилась, её голос прозвучал тревожно:

– Со вчерашнего дня не видела.

Коляда рассмеялся, но в его смехе слышалась не радость, а беспокойство:

– Что значит со вчерашнего?! Его давно нет… лет тысячу точно!

Жива вздохнула, её голос был мягким, но в нём звучала печаль:

– Ой, надо же, сколько времени прошло! Ведь день как тысяча лет, и тысяча лет как один день.

Коляда кивнул, его глаза блеснули серьёзностью:

– Так он исчез в то же время, что и Перун.

Время в мире богов – не линия, а спираль, где каждое исчезновение – начало нового цикла. Но если спираль разорвётся, то и сама гармония превратится в хаос.

Сварог резко остановился, его глаза сверкнули, как раскалённый металл:

– Стоп! Мы же уже нашли Перуна, когда его Скипер под гору спрятал!

Коляда хитро улыбнулся:

– Так тогда он маленький был. Было дело, нам ещё Стрибог помогал вызволять Перуна. То же мне, вспомнил… Ты ещё про то, как нас делал, вспомни!

Белобог поднял руку, и смех мгновенно стих. Его голос был спокоен, но в нём звучала твёрдость:

– Если Перун исчез, а Велес не явился, значит, равновесие нарушено. Мы должны решить, что делать дальше.

Лада склонила голову, её глаза наполнились заботой:

– Перун – наш защитник. Если его нет, тьма может одержать верх.

Даждьбог сжал кулак, и от его движения по залу пробежала волна тепла:

– Тогда мы должны найти его. Где бы он ни был, мы обязаны вернуть Перуна.

Сварог ударил посохом о пол, и звон разнёсся по залу, словно удар молота по наковальне:

– Так тому и быть! Совет Светлых Богов постановляет: начать поиски Перуна.

Слова его прозвучали как приговор и как клятва. Свет в зале стал ярче, и каждый из богов почувствовал: их ждёт великое испытание.

***

Замок в небесах

Высоко над землёй, среди облаков, возвышался замок Сварога. Его стены сияли золотым светом, словно были выкованы из самого солнца, а вокруг клубились сгустки энергий – красные, синие, зелёные, серебряные. Они переплетались, сталкивались, превращались в светящиеся шары, и из этих шаров рождались образы: то птицы, то звери, то лица богов, исчезающие в сиянии.

Сварог стоял на краю облака. Его фигура, величественная и строгая, возвышалась над небесами. Длинные белые волосы развевались на ветру, а золотой посох в его руке сиял, словно раскалённый металл. Его взгляд был суров и грозен.

Голос его прозвучал, словно гром:

– Большие владения мне Родом вверены. Но кто поможет мне хранить их? Где мои дети?..

Эти слова повисли в воздухе, и небеса дрогнули. Сварог сосредоточил взгляд, и перед ним возник светящийся образ Лады. Её золотистые волосы струились по плечам, глаза сияли мягким светом, а белое платье с красной вышивкой переливалось, словно сотканное из утренней зари.

– Лада, – произнёс Сварог, и его голос был мягче, но в нём всё ещё звучала сталь. – Почему у нас нет детей? Почему я один должен хранить всё это?

Лада развела руками, её лицо было полно растерянности и печали.

– Я тоже жду их, Сварог, – её голос дрогнул, как весенний ручей. – Но мы не знаем, как сотворить жизнь. Мы – боги, но тайна рождения скрыта от нас.

Сварог нахмурился:

– Неужели даже нам не дано? – в его голосе звучала горечь. – Я кую миры, создаю огонь и металл, но не могу создать своих наследников.

Боги не создают детей – они рождаются из надежды, которая не гаснет даже в самой глубокой тьме. И если сердце бога бьётся, то и миры будут жить.

Лада опустила взгляд:

– Может быть, есть путь, – сказала она тихо. – Но он требует обряда. Обряда, который ещё не был совершен.

Сварог отвернулся, глядя вдаль:

– Узнай. Сделай всё, что нужно. Я хочу, чтобы у нас были дети. Чтобы они продолжили наш род и помогли хранить миры.

Лада шагнула ближе:

– Я тоже этого хочу, – сказала она тихо. – И я найду путь.

Её образ дрогнул и превратился в пылающий шар света.

– Береги себя, Сварог, – её голос прозвучал эхом, уходя в небеса.

Шар устремился прочь, оставив Сварога в одиночестве.

Он стоял на краю облака, и только ветер носил по небесам его слова:

– Когда же вы придёте?.. Мои дети…

Глава V. В покоях Берегини

Лада, обратившись в светящийся шар, устремилась сквозь небесные выси. Она летела, оставляя за собой золотистый след, словно утренняя заря рассекала тьму. Её путь был стремителен и ясен: сердце вело её к той, что хранит тайны земли и судеб, к мудрой Берегине. Шар пронёсся сквозь облачные врата, миновал сияющие потоки и растворился в глубинах небесного чертога, где время текло иначе, чем в Яви – не как стрела, а как река, возвращающаяся к своим истокам в вечном круговороте, и каждый вздох был наполнен дыханием вечности.

В мире богов мгновение равнялось веку, а век – одному биению сердца. Ибо время там не измерялось песком в часах, но пульсацией самой жизни: расцветом цветка, шорохом листа, вздохом земли под ногами. Так было с древних времён – пока люди не научились рубить реальность на отрезки, забыв, что судьба течёт непрерывно, как свет сквозь кристалл.

В сердце этого чертога простиралась огромная зала, наполненная мягким мерцанием. Свет струился по её сводам, словно реки, и в их течении слышался тихий звон, похожий на далёкое пение. Там, среди сияния, пребывала Берегиня.

Её облик являлся постепенно: сперва – как зыбкое свечение, сотканное из росы и дыхания земли, из шелеста трав и далёкого гула рек. Потом очертания сгущались, и перед взором открывалась высокая женщина с крупными чертами лица, кровь с молоком, с длинными пепельными кудрями, тяжёлыми, как облака на закате. Её густые брови оттеняли глубокие карие глаза, в которых отражалась мудрость веков и покой вечных лесов. На челе покоился тёмный обод с очельями, словно венец из корней и камня. Платье её струилось тяжёлыми складками, расшитыми зелёными узорами и цветами, будто сама земля раскрывала свои тайны

в тканях. На груди сверкал медальон с её символом, а на шее лежали тяжёлые ожерелья, бусины которых сияли, как капли росы, заключившие в себе дыхание утра.

Она была не просто хранительницей – она была самой Землёй, облечённой в облик. В каждом её жесте слышалось эхо корней, уходящих в глубины мира; в каждом взгляде – память камней, переживших ледники и царства.

Такова природа истинной мудрости: не в том, чтобы знать будущее, но в том, чтобы чувствовать пульс жизни во всём сущем – от муравья под листом до звезды в бездне.

Перед ней стояло огромное блюдо, сияющее, словно зеркало, но сотканное из потоков самой судьбы. На его поверхности сменялись картины Яви: рождение и смех детей, шумные праздники, жатва, танцы у костров, тихие вечера у очага. Всё это текло, как река, и Берегиня следила за образами, словно читала живую книгу, страницы которой писались самими людьми – их любовью, страхом, надеждой.

Ибо судьба не была предопределённой нитью в руках богов. Она была тканью, сотканной из миллионов выборов: чьей-то улыбки в трудный час, чьего-то молчания вместо гнева, чьей-то руки, протянутой в темноте. Каждый поступок, даже самый незаметный, вибрировал в этой ткани, создавая узор, который ни один разум не мог постичь целиком – но который чувствовалось сердцем.

И вдруг воздух за её спиной дрогнул. Пространство наполнилось светом, запахло весной – свежестью трав, дыханием цветущих садов, тёплым дождём. Сгусток сияния закружился, превратился в огненный шар, и из него вышел образ Лады. Её золотистые волосы струились светом, а глаза были полны мольбы и растерянности. Она шагнула вперёд, простерев руки к Берегине.

Берегиня встретила её взгляд спокойно, но в этой тишине было знание, глубокое и тёплое, как сама земля.

– Я знаю, зачем ты пришла, – произнесла она, и её голос прозвучал, как колокол, но мягкий, обволакивающий, словно шелест листвы.

Она указала рукой на блюдо судеб. Его поверхность вспыхнула, и в глубинах закружились новые картины.

На зеркальной глади возникли образы: горы, покрытые снегом, реки, несущие свои воды к морю, и люди, что жили под небом, не ведая, что их судьбы вплетены в нити богов. Среди этих видений мелькнуло пламя – яркое, живое, как дыхание кузни. Оно вспыхнуло и приняло очертания Сварога.

– Он ищет путь, – сказала Берегиня, не отводя взгляда от видения. – Его сердце полно силы, но в нём нет покоя. Он хочет сотворить жизнь, но не знает, что жизнь рождается из согласия стихий.

Ибо огонь один лишь пожирает – он не создаёт. Чтобы родилось нечто живое, пламени нужен сосуд: земля, чтобы принять его тепло; вода, чтобы увлажнить почву; воздух, чтобы дать дыхание. Так устроен мир: ничто великое не рождается в одиночестве. Даже звезда, вспыхнув в бездне, рождает планеты из своего праха – и в этом её бессмертие.

Лада склонила голову.

– Я чувствую это, – прошептала она. – Но как соединить то, что не соединяется?

Берегиня улыбнулась едва заметно.

– Всё соединяется, если в сердце есть гармония. Огонь и земля, вода и воздух – всё стремится к единству, когда их связывает любовь и понимание. В этом и есть тайна рождения.

Любовь здесь была не страстью, не влечением – но глубинным признанием другого как части целого. Как корни дерева не спорят с ветвями, но служат единому росту, так и стихии, признав друг друга, рождают чудо – жизнь, которая дышит, любит и помнит.

Лада подняла глаза, и в её взгляде зажёгся свет надежды.

– Значит, путь – в согласии?

– Да, – ответила Берегиня. – Пусть каждый вложит в творение частицу своей сути. Тогда жизнь родится сама, без усилия, как цветок, раскрывающийся на рассвете.

Ибо насильственное творение обречено: оно живёт лишь пока держится рукой, и умирает, едва отпущено. Но то, что рождено в свободе и любви, обретает собственное дыхание – и продолжает жить, когда творец уже стал легендой.

Лада кивнула. Свет вокруг неё стал ярче, теплее.

– Я передам ему твои слова, – сказала она. – Пусть он узнает, что сила без согласия – лишь пламя без тепла.

Берегиня кивнула в ответ.

– Иди, Лада. Пусть твой свет осветит путь творения.

Она протянула руку, и из её ладони сорвался мягкий зелёный свет, похожий на росток. Он опустился в ладонь Лады и засиял, словно маленькое солнце.

– Храни это, – сказала Берегиня. – Это знак. Когда он засияет ярче, ты поймёшь, что пора.

Лада прижала светящийся росток к груди. Её облик вновь начал растворяться в сиянии, превращаясь в золотой поток.

– Благодарю тебя, – прошептала она, и её голос был полон радости.

Когда она исчезла, Берегиня долго смотрела на блюдо судеб. На его поверхности вновь текли картины Яви – люди, дети, огонь, вода, земля. Всё было едино, всё дышало одной жизнью.

И в этом единстве крылась величайшая тайна: небо и земля не были разделены. Они были двумя ликами одного – как дыхание вдоха и выдоха. И тот, кто умел видеть сквозь завесу миров, понимал: каждый шаг по земле отзывался в небесах, а каждая мысль бога рождала цветок в поле.

Она тихо произнесла, будто обращаясь к самой земле:

– Пусть будет так. Пусть родится то, что соединит небо и землю.

И свет в зале стал мягче, словно сама Правь благословила её слова – а в глубине блюда, среди текущих образов, уже проступал контур будущего: сад, полный света и смеха, где огонь и земля, вода и воздух танцевали в вечном согласии.

Глава VI. Обряд творения

Сосновая роща стояла в прозрачном утреннем свете, наполненная ароматом смолы и влажной земли. Воздух был неподвижен, и только лёгкий шелест хвои отзывался на дыхание ветра. Среди деревьев раскинулось озеро – белое, густое, словно из самой сметаны сотканное. Его гладь мерцала мягким молочным светом, отражая вершины сосен и облака, плывущие в вышине.

Это было не просто место – это был узел жизни, точка сгущения энергии, где материя переходила в форму, а форма – в смысл. Здесь, в тишине рощи, совершался тот же процесс, что миллиарды лет назад рождал звёзды из туманностей: хаос обретал ритм, а ритм – красоту. Природа не знала границ между «обычным» и «чудесным» – для неё чудо было законом.

По опушке неторопливо бродило семейство медведей – тяжёлые, добродушные, с блестящей шерстью, они переворачивали камни, искали коренья и, казалось, были частью самой земли.

Из-за деревьев вышла Лада. Свет вокруг неё стал теплее, и роща будто ожила. Её шаг был лёгок, как дыхание весны, а глаза сияли мягким золотом. Она подошла к озеру, и поверхность его вдруг закипела, словно сметанный соус в котле. Волны побежали к берегу, и в их белом блеске отражалось солнце.

Иногда самые великие волшебства прячутся в простом: в кипении воды, в аромате грибов, в прикосновении руки к земле. Не палочка и не заклинание творят чудо – а готовность

сердца принять дар мира и отдать взамен частицу себя. Так было и здесь: озеро не закипело от магии – оно ответило на присутствие любви.

К Ладе подбежали лисы и белки, ловко неся в лапках грибочки. Они положили их к её ногам, и Лада, улыбнувшись, бросила дары в кипящее озеро. Зайцы принесли лавровую веточку, а синицы, щебеча, опустили в её ладони свежую зелень. Всё это она поочерёдно бросала в белое варево, и над озером поднялся аромат – густой, тёплый, полный жизни.

На высокой сосне висел половник-дуршлаг с длинной ручкой, словно забытый кем-то из древних богов. Лада взяла его и начала размешивать озеро. В дуршлаг попалась рыба – серебристая, блестящая, как лунный луч в воде. Лада выловила её и положила на противень. Рыба высохла под солнцем, и её чешуя засияла золотом, превращаясь в готовое блюдо.

В этом обряде скрывался древний код творения: каждый элемент имел своё место. Грибы – грибница мира, связующая корни; лавр – память предков; зелень – дыхание будущего. Даже дуршлаг, с его отверстиями, был символом избранности: не всё проходит сквозь него – лишь то, что готово стать частью нового. Так эволюция отбирает формы, способные нести жизнь дальше.

Лада топнула ножкой, и земля под ней дрогнула. Из трещины поднялась и расстелилась скатерть – белая, как облако, мягкая, как мох. На ней появились столовые приборы, сияющие, будто сотканы из света. Лада села, вкушая рыбу, а косточки стряхнула под сосну. Там, где они упали, из земли пробились молодые побеги – тонкие, гибкие, с капельками росы на кончиках.

Косточки, брошенные в землю, не умирали – они становились семенами. Так бывает с любовью: отданная, она не исчезает, но прорастает в новую жизнь. И тот, кто умеет видеть, замечает – каждая жертва, каждая слеза, каждый дар рождает невидимые корни, крепче любых цепей.

Из облаков спустился аист, неся покрывало, сотканное из перьев и света. Он накрыл Ладу, и она начала вращаться под ним, всё быстрее и быстрее. С неё слетали одно за другим шесть покрывал, образуя сверкающий кулёк. Клубочек раскрылся – и из него появилось первое дитя. Потом второе, третье… Вскоре шесть покрывал лежали по бокам от Лады, а на них – младенцы: две девочки и четыре мальчика. Их дыхание было лёгким, как ветер, а глаза сияли, словно отражали небо.

Шесть душ – не случайность. Это число гармонии: два начала (женское и мужское) умноженные на три мира (Явь, Навь, Правь). Каждый младенец был не просто ребёнком – он был узлом будущих судеб, точкой, где пересекутся тысячи жизней, решений, любовей. В их крошечных ладонях уже таилась сила, способная изменить ход истории – не мечом, но улыбкой, не властью, но доверием.

Лада склонилась над ними, и улыбка её была светла, как рассвет над весенним полем.

***

Берегиня стояла в сиянии своего чертога, и мягкий свет струился по её лицу, подчеркивая спокойную силу и древнюю мудрость. В её глазах отражались леса, реки и поля – всё живое, что дышало в мире.

Она смотрела на Ладу с тихой, почти материнской улыбкой.

– Поняла? – спросила она, и голос её был глубок, как шум прибоя, но ласков, как шелест листвы.

Лада кивнула, глаза её светились радостью.

– Поняла.

Иногда одного слова достаточно, чтобы изменить всё. «Поняла» – не просто согласие, а прозрение. Это момент, когда сердце наконец слышит то, что разум долго отказывался принять: что творение рождается не из воли, но из любви; не из власти, но из доверия. И в этом слове зазвучало будущее – не как предопределение, а как обещание.

– Ступай, – сказала Берегиня.

Лада уже повернулась, когда Берегиня подняла руку.

– Подожди.

Она огляделась, взгляд её задержался на сводах, где сверкала длинная сосулька-сталактит. Берегиня сбила её лёгким движением пальцев, и та рассыпалась в сверкающий порошок. Она собрала его в небольшую шкатулку, украшенную резьбой, и протянула Ладе.

– Посолить не забудь, – сказала она с мягкой улыбкой.

Соль – не приправа, а символ вечности. Кристалл, рождённый испарением моря, хранит в своей структуре память океанов и звёздной пыли. Добавленная в обряд, она связывала мгновение с вечностью: то, что рождалось сейчас, становилось частью бесконечного круговорота материи и духа. Без соли – лишь еда. С солью – таинство.

Лада приняла шкатулку, и её образ начал растворяться в сиянии, словно утренний туман под солнцем.

Берегиня осталась одна. Она вновь склонилась над блюдом судеб. На его поверхности вспыхнула новая картина: цветущий сад, полный света, смеха и детских голосов.

И в этом саду, среди цветов и смеха, уже можно было различить лица – тех самых шести детей, выросших под солнцем и звёздами. Они не были героями в плащах и коронах. Они были просто людьми – но людьми, чьи сердца помнили вкус сметанного озера, аромат лесных грибов и тепло материнских рук. И этого было достаточно, чтобы мир остался жив.

Берегиня улыбнулась едва заметно.

– Всё идёт, как должно, – произнесла она.

И мягкое сияние вновь наполнило зал, словно сама судьба улыбнулась вместе с ней.

Глава VII. Дети Лады

Сосновая роща встретила Ладу тишиной и свежестью. Высокие деревья стояли, словно древние стражи, их вершины терялись в прозрачной синеве, а воздух был наполнен ароматом хвои и влажной земли. Солнечные лучи пробивались сквозь густые кроны, ложась золотыми пятнами на поляну – то самое место, что прежде открывалось ей лишь в видении Берегини. Теперь обряд свершился наяву.

Перед Ладой, на мягких покрывалах, лежали её дети – шесть младенцев, две девочки и четыре мальчика. Их дыхание было лёгким, как ветерок, а глаза – ясными, как утренние капли росы. Сердце богини переполнялось восторгом и нежностью. Она склонялась над каждым, гладила крошечные ручки, прижимала к себе, гулила – словно сама природа через неё пела колыбельную.

В этом мгновении сходились миллионы лет эволюции: от первых одноклеточных, дрожащих в тёплом океане, до звёздной пыли, рождённой в недрах умирающих светил. Эти дети были не просто потомками богов – они были продолжением космического процесса, в котором материя обретала сознание, а сознание – способность творить. Каждый их вздох был эхом Большого Взрыва, каждая улыбка – отблеском того момента, когда во Вселенной впервые возникла любовь.

Вдруг из-за деревьев бесшумно вылетела сова. Её широкие крылья разрезали воздух мягким, почти неслышимым взмахом. В когтях она несла свёрток, обвитый серебристой нитью. Птица опустилась у ног Лады и бережно положила кулёк. Внутри оказался ещё один младенец – дитя коровы Земун, небесной кормилицы.

Лада ахнула, прижала его к груди и, улыбаясь сквозь слёзы, поняла: её семья стала полной. В этот миг роща словно зазвучала – птицы запели громче, ветер зашумел в кронах, а солнце засияло ярче, будто само небо приветствовало новую жизнь.

Семь душ – не число, а обещание. Семь – это число полноты: шесть детей от союза Лады и Сварога, и седьмой, дарованный самой Землёй, чтобы напомнить: ни одна семья не

существует в одиночестве. Мы рождаемся не только от родителей, но от мира, что нас принимает – от леса, что дышит над нами, от реки, что поёт у наших ног, от звёзд, что хранят наши сны. И тот, кто это помнит, никогда не будет одинок.

***

Прошли годы. Дети росли, и каждый из них проявлял свою силу, дарованную богами.

Перун, мальчик лет двенадцати, любил сидеть на облаках. Его глаза сверкали, как молнии, а волосы, цвета меди, трепетали на ветру. Он указывал рукой в одно место – и там вспыхивала молния, указывал в другое – и небеса разрывал новый громовой удар. Когда он разводил руки в стороны, с небес проливался дождь. С довольным видом он потирал ладони, а затем, обернувшись птицей, взмывал в небо и исчезал вдали, оставляя за собой след из серебристых искр.

Гром и молния – не орудия гнева, а механизмы очищения. Вспышка молнии рождает озон, дождь наполняет реки, гром сотрясает почву, пробуждая семена. Так и Перун: его сила не для разрушения, но для обновления. В этом – великий закон космоса: ничто не живёт вечно без перемен, и даже небеса должны иногда греметь, чтобы земля могла цвести.

Лель сидел под деревом в лесу и играл на дудочке. Его музыка была светлой и нежной, как дыхание весны. На звуки сбегались звери, слетались птицы, и он гладил их, словно старых друзей. По лесным тропам проходили влюблённые пары, и Лель, улыбаясь, продолжал играть, будто благословляя их чувства своей мелодией.

Музыка Леля не была заклинанием – она была признанием. Признанием того, что сердца, готовые любить, уже несут в себе магию. Его дудочка лишь будила то, что спало внутри: смелость сказать «я люблю», нежность протянуть руку, доверие шагнуть навстречу. Ибо истинная сила любви не в том, чтобы заставить кого-то полюбить – а в том, чтобы дать ему свободу полюбить самому.

Семаргл шагал по дороге, и вдруг его тело вспыхивало пламенем, превращаясь в огненного волка. Он взлетал в небо, пролетал над сёлами и городами. Там, где падал его взгляд, вспыхивали костры – не разрушительные, а оберегающие, окружённые камнями, чтобы согревать и защищать людей. Его пламя было живым, добрым, несущим свет и силу.

Огонь Семаргла был не стихией хаоса, но стихией разума. Первый костёр, зажжённый человеком у входа в пещеру, стал началом цивилизации: он отогнал страх, позволил готовить пищу, собирать племя вокруг общего тепла. Так и здесь – пламя не пожирает, но объединяет. Оно напоминает: сила, лишённая цели, сжигает; сила, наполненная смыслом, согревает.

Морена, девочка с холодным, но прекрасным взглядом, дышала на водоёмы, и те покрывались льдом. Она исчезала и появлялась в другом месте, взмахивала рукой – и начинал идти снег, поднималась метель, кружила вьюга. Когда всё вокруг укрывалось белым саваном, Морена смотрела вдаль с видом исполненной миссии, а снежинки тихо кружились вокруг неё, словно признавая в ней хозяйку зимы.

Зима не была её врагом – она была её молчаливой союзницей. Морена знала то, что забывают многие: покой так же необходим, как движение; тишина – как песня; сон – как бодрствование. Под снегом спят семена, под льдом – вода, под молчанием – мысль. И тот, кто умеет хранить тишину, умеет и дать миру проснуться обновлённым.

Жива, её сестра, напротив, несла тепло. Взмахом руки она растапливала лёд, и с деревьев начинала капать капель. Поля и леса зеленели, оживали. Другим движением руки она поднимала в небо стаи птиц, и те, порхая, образовывали в воздухе причудливые фигуры. Жива смотрела на это и улыбалась – в её лице отражалась сама весна, пробуждение и радость жизни.

Жива олицетворяла не просто «тепло» – она олицетворяла энтропию жизни: ту неукротимую силу, что противостоит распаду, что строит из хаоса порядок, что из праха создаёт цветок. Её дар был даром информации – способностью организовывать материю в формы,

способные к росту, к памяти, к продолжению. В этом – суть жизни во Вселенной: не в том, чтобы существовать вечно, но в том, чтобы передавать себя дальше.

Велес, мальчик с задумчивым взглядом, бродил по лесу в облике медведя, а затем вновь становился человеком. Его движения руками меняли ход времени: он вызывал утро и любовался восходом, затем закат, затем ночь, и, глядя на луну, тихо вздыхал. На его плече сидела сова, а за его спиной сменялись времена года – весна, лето, осень, зима. В нём жила мудрость циклов, понимание вечного круга бытия.

Велес не управлял временем – он его слушал. Он знал, что у каждого мгновения есть свой голос: шорох распускающегося бутона, вздох увядающего листа, тишина между сердцебиениями. И тот, кто умеет слышать эти голоса, понимает главное: ничто не теряется. Ушедшее возвращается в ином обличье – как дождь из облаков, как память из забвения, как любовь из боли.

Глава VIII. Искра Раздора. Первое похищение Перуна.

На широкой солнечной поляне, окружённой соснами и цветущими лугами, семеро детей играли после того, как их первые силы уже проявились в мире.

Перун был водящим: он оборачивался то зверем, то птицей, пытаясь поймать братьев и сестёр. Их звонкий смех разносился эхом, птицы подпевали с ветвей, а трава под ногами мягко пружинила, будто сама природа улыбалась их радости.

Детская игра – древнейший инстинкт выживания, замаскированный под забаву. В погоне за мячом тренируется реакция хищника; в совместном танце на льду – координация стаи; в споре – проверка границ силы и доверия. Так миллионы лет эволюция готовила разум к сотрудничеству: не через наставления, но через смех, падения и примирения.

Перун, самый резвый, устал от беготни и воскликнул:

– Нам нужен круглый инвентарь!

– И без колючек! – добавил Лель, смеясь.

Велес неторопливо снял с одежды кусок звериной кожи, сжал в ладонях – и в его руках она оживилась, превратившись в упругий мяч, тёплый, будто дышащий.

– Ловко ты это придумал! – восхитился Перун.

Мальчики подкидывали мяч, сначала руками, затем ногами. Велес отбил его стопой – и вскоре все четверо гоняли его по траве, смеясь.

Тем временем Жива взмахнула рукой – и на поляне возникло круглое озеро. Морена хитро улыбнулась и дунула: поверхность мгновенно покрылась льдом. Жива, удержав равновесие, сотворила на обуви серебристые лезвия и закружилась в пируэтах. Морена последовала её примеру, и сёстры закружились вместе – зима и весна, сплетённые в один танец.

В их танце крылась тайна, которую взрослые часто забывают: противоположности не враждуют – они дополняют. Лёд не убивает воду, а хранит её до весны; холод не губит жизнь, а даёт ей время для сна. Так и люди: лишь приняв в себе и свет, и тень, мы становимся цельми.

Мальчики, заворожённые зрелищем, бросились к озеру – и тут же упали, поскользнувшись на гладком льду.

– Не так надо! – сказал Велес и сотворил коньки себе и братьям.

Но мяч скользил по льду непослушно. Перун поднял палки, превратил их в клюшки – и игра ожила. Смех, звонкий стук клюшек и крики наполнили лужайку.

– Морена! Жива! Давайте играть с нами! – позвал Лель.

Сёстры присоединились, и на льду разгорелся весёлый хоккей. Но Перун, стремясь блеснуть, решил изобразить «ласточку» на одной ноге – поскользнулся и задел плечом Велеса.

– Ну-ка, пойдём, разберёмся! – вспыхнул Велес.

– А давай! Сейчас я тебе жару задам! – огрызнулся Перун.

– Только без молний! Слабо?

– Это тебе слабо без медведей!

– Мальчики, не надо! – вмешалась Жива.

– Надо, надо! – подзадорила Морена.

– Пусть уже раз и навсегда разберутся!

Они сцепились кулаками. Перун не сдержался – молния сорвалась с его пальцев и ударила Велеса в спину.

– Ты что?! Мы так не договаривались! – взревел тот.

Перун расхохотался. Велес обернулся огромным медведем, сбил брата с ног. Перун превратился в птицу, заклевал его в макушку. Вернувшись в облик мальчика, он крикнул:

– Ты трус! Как обычно!

– Сам ты трус! Тебе ещё повезло, что я молнию помощнее не создал!

– Без своих сил ты меня не одолеешь! Я единственный могу между мирами ходить!

– Да кому нужно твоё перемещение? И вообще! Ты случайно появился! Мать твоя – корова Земун! Ты не бог! Ты жалкое подобие!

– Прикуси язык, Перун! – вмешался Семаргл.

Жива, Лель и Морена замерли. Слова ударили точнее молнии.

Есть раны, которые не видны глазу: те, что наносятся словом «случайный». Ибо быть рождённым не от союза, а от дара – не недостаток, а особая форма любви. Земля не спрашивает у семени, откуда оно пришло – она принимает его, питает, даёт расти. Так и семья: истинная связь не в крови, а в выборе – каждый день выбирать любить.

Лицо Велеса исказила обида. Не сказав ни слова, он отвернулся и шагнул в чащу. Дети бросились за ним – но он растворился в воздухе, словно туман.

– Как ты мог такое сказать? Он же наш брат! – укорила Жива.

– Да отстаньте вы! – бросил Перун и ушёл в другую сторону леса.

Тишина повисла над поляной. Ветер стих, птицы умолкли.

Раздор в семье – всегда катализатор перемен. Как трещина в скале, через которую прорастает корень, обида создаёт пространство для роста – если только сердце не ожесточится окончательно. Вселенная не боится конфликта: в звёздных недрах рождается свет лишь через столкновение сил. Но человеку дан выбор – стать пламенем или пеплом.

В кустах что-то шевельнулось. Два жёлтых глаза сверкнули из тени.

Существо, низкое и гибкое, поползло следом за Перуном.

***

Перун шёл по лесу, раздражённо отталкивая ветви. Его шаги были резкими, будто он пытался убежать не только от братьев, но и от собственных слов – тех самых, что ударили Велеса точнее молнии. В груди кипела злость, но под ней уже шевелилось нечто тяжёлое и холодное: тень раскаяния.

Гордыня – самая хрупкая броня. Она звенит громко, отражает удары, но трескается от первого же прикосновения к собственной совести. Ибо тот, кто ранит другого словом, всегда ранит себя дважды: сначала – в порыве, потом – в тишине, когда эхо обиды возвращается, как холодный ветер за спиной.

Лес вокруг замер. Тишина стояла такая, что слышно было, как падает сухая хвоя. Только кукушка отсчитывала мгновения где-то вдали. Перун не заметил, как в кустах за ним затаилось существо – низкое, чешуйчатое, с жёлтыми глазами, горящими хищным огнём. Оно ползло бесшумно, словно сама тень обрела плоть.

У ручья Перун остановился, наклонился зачерпнуть воды. В этот миг воздух за спиной сгустился – будто невидимый взгляд впился в затылок.

– Кто здесь? – спросил он твёрдо, хотя сердце забилось чаще.

Из темноты выступило чудовище. Тело покрыто чешуёй, за спиной извивался длинный хвост скорпиона. Скипер Зверь поднялся во весь рост и обвил мальчика хвостом.

– Жало скорпиона – самое смертоносное в мире! – прошипел он и вонзил жало в плечо Перуна.

Жало вонзилось в плечо. Перун вскрикнул – но яд не подействовал. Скипер погрузил его в ручей – мальчик не утонул. Обрушил пламя – огонь отскочил, не обжёг.

– Правду говорили про младшего сына Сварога, – пробормотал Скипер ошарашенно. – В воде не тонет, в огне не горит… Нам нужны такие воины! Поступай к Чернобогу на службу!

Перун стиснул зубы:

– Да сейчас! Чтобы я, сын Сварога, громовержец Перун, Чернобогу служил?

– Подумай, – настаивал Скипер, – он даст тебе все блага мира. Только служи ему.

– Никогда! – выкрикнул Перун.

– Я никому не стану служить, тем более Чернобогу!

Глаза чудовища сверкнули яростью.

– Тогда быть тебе моим пленником вечно!

Зрачки чудовища расширились. Из них пошли волны, словно круги по воде. Перун пытался сопротивляться, но веки отяжелели – и он погрузился в сон без сновидений.

Скипер расправил крылья, подхватил безжизненное тело и взмыл в небо.

***

На лужайке Жива звала братьев, сердце её сжималось тревогой:

– Перун! Велес! Где вы?

Внезапно она вскинула голову: в небе, над кронами сосен, мелькнула тень с хвостом скорпиона. В её когтях безвольно висел Перун.

– Семаргл! Догоняй! – закричала она.

Семаргл обернулся огненным волком и рванулся ввысь – но на границе невидимого купола его отбросило назад. Он рухнул на землю, оставив след обожжённой травы.

– Не вышло… – с горечью сказал он, поднимаясь. – Я лишь успел разглядеть жало. Существо унесло Перуна.

Дети переглянулись. В их глазах смешались страх и решимость. Морена первой нарушила молчание:

– Это Скипер Зверь. Слуга Чернобога. Он охотится на тех, кто несёт свет.

– Значит, Перун в его лапах, – сказал Лель, и в его голосе прозвучала тревога. – Мы должны его вернуть.

– Вместе, – кивнула Жива. – Только вместе мы сможем.

– Я найду путь, – в глазах Семаргла вспыхнуло пламя. – Даже если небо закрыто, я прожгу дорогу.

– Там, за туманами, лежит царство Чернобога, – указала Морена на север. – Туда ведёт лишь одна тропа – через Мёртвый лес.

Лель поднял дудочку. Её звук разнёсся по лесу – чистый, зовущий, как дыхание надежды. В ответ деревья зашевелились, птицы вспорхнули с ветвей, и даже ветер стал мягче.

Так рождается ответственность: не из страха, но из связи. Эволюция наделила разум не для того, чтобы прятаться в одиночестве, но чтобы, столкнувшись с тьмой, протянуть руку тому, кто рядом. Ибо выживает не самый сильный, а тот, кто умеет становиться частью целого – даже после ссоры, даже сквозь обиду.

И в этом выборе – самая глубокая магия: не прощение как слабость, но прощение как сила. Велес ушёл обиженным, но его место осталось пустым – и эта пустота звала его вернуться. Ибо семья не ломается от слов – она ломается, когда перестаёшь верить, что другой способен измениться. А пока есть надежда – есть путь.

Так начался их путь – путь через тьму, где свет каждого из них должен был испытать себя.

А где-то далеко, в мрачных чертогах, Скипер Зверь опускался на каменный уступ, держа в лапах спящего Перуна.

***

Пустынное поле раскинулось под мрачным небом, словно сама земля здесь лишилась дыхания. Ветер гнал по нему сухую пыль, когда Скипер, тяжело дыша, опустился перед фигурой, чёрной как сама бездна.

Чернобог стоял недвижим. Его глаза сверкали холодным светом, воздух вокруг дрожал от сконцентрированной воли. В его мыслях не было колебаний: *Этот мальчик – сын Сварога. Его сила может стать моей. Но сперва – пусть вкусит темницы.*

Одним движением руки он направил в землю поток силы. Та содрогнулась и раскрылась: бурящий вихрь пробил шахту, уходящую в самое сердце подземного мира. Из недр поднялся запах серы и древнего холода.

Спящего Перуна Чернобог опустил в эту бездну. Даже во сне внутри мальчика что-то сопротивлялось: *Я не сдамся… Я сын Сварога…* Но тело оставалось неподвижным.

Другим движением Чернобог сотворил дверь, накрывшую вход. Затем обеими руками поднял потоки земли – они вздымались выше и выше, пока не образовали огромный курган, подобный Мамаеву. Когда насыпанная гора сомкнулась, Чернобог исчез, оставив лишь гулкое эхо своей силы.

Скипер, облегчённо выдохнув, усмехнулся:

– Отдыхай, Перун, а то утомился…

Но смех его быстро стих. Из глубины кургана донёсся глухой гул – будто сама земля отзывалась на присутствие заключённого в ней божества. Воздух задрожал, и по спине Скипера пробежал холод.

Тьма всегда ошибается в одном: она верит, что заточение уничтожает свет. Но свет, заключённый в темноту, не гаснет – он концентрируется. Как угли в печи, прикрытые золой, ждут лишь дуновения, чтобы вспыхнуть ярче. Так и душа, испытанная одиночеством, обретает ту силу, которой не даёт ни победа, ни слава – силу внутреннего огня.

Скипер пробормотал:

– Пусть спит, пока Чернобог не решит иначе.

И, расправив остатки крыльев, исчез в сумраке, оставив за собой след из пепла.

***

А под толщей земли, в темнице без света и времени, Перун медленно открывал глаза. Первое, что он почувствовал – не страх, не боль, а тяжесть собственных слов, сказанных Велесу. В этой тишине, где не было никого, кроме него самого, обида обернулась зеркалом.

Темница не в стенах – она в сердце, которое отказалось слушать. Но и свобода не в отсутствии цепей – она в решении, которое рождается в одиночестве: простить себя, чтобы иметь право просить прощения у другого. Ибо только тот, кто признал собственную тень, способен увидеть свет в другом – даже если тот ушёл, растворившись в воздухе, как туман.

Перун сжал кулаки. В темноте между пальцами мелькнула искра – слабая, но живая.

Где-то далеко, за горами и туманами, его братья и сёстры уже собирались в путь. Лель поднял дудочку, и её звук разнёсся по лесу – чистый, зовущий, как дыхание надежды.

А над бездной, где не было ни дня, ни ночи, впервые зазвучал тихий гул грядущей бури.

Глава IX. Мир Прави. Светлый зал

В сияющем зале, где стены словно были сотканы из света, а колонны уходили в бескрайние выси, Лада спешила по мраморному полу. Её сердце сжималось тревогой. *Только бы не опоздать… Только бы Сварог услышал меня.*

Свет Прави не был иллюзией – он был плотью реальности в её высшем состоянии. Здесь материя достигала предела организации: каждый фотон нес информацию, каждая вибрация – смысл. Так устроен космос: чем глубже порядок, тем ярче сияние. И тот, кто входит в этот мир, ощущает не блеск, а вес бытия – тяжесть совершенства.

Она остановилась перед массивными дверями покоев Сварога и громко воскликнула:

– Сварог! Перуна похитили!

Двери распахнулись. Владыка небесных кузниц вышел навстречу. Его шаги были быстрыми, лицо омрачено гневом. *Кто посмел тронуть моего сына? Кто дерзнул бросить вызов мне?*

– Кто посмел?! – прогремел он, и стены зала дрогнули от его голоса.

– Я не знаю! – ответила Лада, и в её голосе звучала боль. *Я мать, я должна была уберечь…*

– Пусть братья найдут! – приказал Сварог, и в его словах звучал не просьба, а закон.

В этот момент в зал вбежали Морена и Семаргл. Их дыхание было сбивчивым, лица – встревоженными.

– Мы обыскали всё, что могли на земле! – выпалила Морена.

Я сильна, я могу управлять снегом и бурей, но не могу найти брата…

– Его нигде нет! – добавил Семаргл, и в его глазах горело чувство вины.

Я должен был догнать того зверя… Я подвёл.

Лада опустила голову.

– Что делать? – прошептала она.

– Идём к нашему старейшине.

Она развернулась и направилась к своим покоям. Дети последовали за ней. В коридоре к ним присоединились Жива и Лель.

– Я искала по лесам! Нет его! – сказала Жива, её глаза блестели от слёз.

Я – весна, я оживляю всё вокруг, но не могу вернуть брата…

– Я искал по полям! – развёл руками Лель.

Я умею дарить радость, но сейчас бессилен.

В этом мгновении каждый из них впервые понял: дары, данные им от рождения, не были игрушками. Они были ответственностью. И когда один из семьи исчезает во тьме, остальные не могут просто ждать – они должны стать светом друг для друга. Ибо магия семьи не в том, чтобы никогда не теряться, а в том, чтобы всегда находить путь домой – даже если дом теперь где-то в чужом мире.

В покоях, наполненных мягким сиянием, Лада подошла к резному комоду, выдвинула ящик и достала изящную шкатулку, украшенную узорами, напоминающими солнечные лучи. Внутри лежал серебряный амулет – круг, в котором переплетались три треугольника, а в центре сияло колесо: девятиконечная звезда с вписанным кругом.

Три треугольника – символ трёх миров: Яви, Нави и Прави. Девятиконечная звезда – девять ступеней эволюции сознания, от первобытного страха до космического единства. А круг внутри – вечность, вмещающая всё. Так древние знали: путь к истине лежит не вверх и не вниз, но сквозь центр собственного сердца.

Она положила амулет на пол и очертила его сияющим кругом.

– Встаньте, дети, – сказала она.

Семаргл, Морена, Жива и Лель встали вокруг, образуя замкнутый круг. Каждый из них чувствовал: *Это испытание для нас всех. Мы должны быть едины.*

– Подсвети, – обратилась Лада к Семарглу.

Мальчик поднял ладони, и в них вспыхнуло пламя. Он направил его в центр круга, на амулет, и по окружности. *Я не смог догнать врага, но хотя бы сейчас помогу.*

Пламя поднялось, образуя высокий купол. В тот миг энергия амулета пробила его, и в воздухе засиял светящийся поток – ткань миров раздвинулась, открывая иной простор.

– Портал открыт, – сказала Лада.

– Заходим!

Она первой шагнула в поток света и исчезла. *Я иду за тобой, сын мой.*

За ней, один за другим, Семаргл, Жива, Лель и Морена окунулись в сияние. Каждый из них нёс в сердце свою клятву: *Мы вернём брата. Мы не оставим его во тьме.*

И в этом шаге скрывалась величайшая магия: не сила амулета, не пламя Семаргла, не даже любовь матери – но выбор пяти сердец идти туда, где их ждала неизвестность. Ибо истинная смелость не в том, чтобы не бояться, а в том, чтобы, дрожа от страха, протянуть руку тому, кто рядом – и вместе ступить в темноту.

Купол дрогнул, и их фигуры растворились в потоке энергии, оставив за собой лишь мерцающий след.

А в зале, где ещё недавно звучали их голоса, остался лишь серебряный отблеск амулета – тихое напоминание о том, что даже свет должен пройти через тьму, чтобы стать сильнее.

Глава X. Чертог Финиста. Поиск кургана.

На тёмном фоне вспыхнул серебристый свет. Крупным планом возник Чертог Финиста – сияющий круг с девятиконечной звездой внутри. Его лучи искрились, словно дыхание самой Вселенной, и свет его был холоден и чист, как отблеск вечности.

Тьма вокруг постепенно растворялась, превращаясь в бездонное звёздное небо. Созвездия мерцали, складываясь в узоры, словно древние письмена, оставленные богами для тех, кто умеет читать тайные знаки. Вдали показалась колесница Гаруда, несущая Вышеня.

Звёзды – не просто светила, но узлы космической памяти. Каждое созвездие – архив событий, каждая вспышка сверхновой – запись эволюции. Вышень, взирая на них, не просто смотрел вдаль – он читал историю мира, написанную светом на ткани пространства-времени. Ибо мудрость не в предсказании будущего, а в умении видеть прошлое в настоящем – как геолог видит горы в песчинке.

Вышень был древним мудрецом. Его длинная седая борода ниспадала до пояса, а глаза – яркие, голубые, пронизывающие – охватывали взглядом самые дальние уголки миров. В них отражалась мудрость и тайна Вселенной, спокойствие и беспристрастность, высшая справедливость, неподвластная страстям. Его одеяние глубокого синего цвета струилось, словно сама ночь облекла его в свои одежды.

Он медленно достал меч. В его мыслях звучала ясность:

Свет должен соединиться со светом. Пусть путь откроется тем, кто ищет правду.

Подняв клинок, он взмахнул им вокруг себя. Вокруг колесницы закружился искрящийся поток – словно сама ткань мироздания закрутилась в вихре. Поток соединился с сиянием, в котором находились Лада и её дети, и устремился вниз, к земле.

Они мягко опустились у подножия Алатырской горы, на поляну, покрытую цветущими астрами. Вышень опустил меч остриём вниз. Серебристый поток рассеялся, превращаясь в капли росы, которые упали на цветы, заставив их засиять ещё ярче.

– Что ищем? – спросил Вышень, его голос был глубоким и ровным, словно сам воздух внимал ему.

Лада вздохнула. В её сердце звучала боль:

Сказать это вслух – значит признать, что беда реальна.

– Нечто очень дорогое. Перуна похитили… Что делать?

Вышень внимательно посмотрел на детей. Его взгляд был строг, но не осуждающий. Он задавал вопросы отчётливо, словно каждое слово было испытанием:

– Кто? Когда? При каких обстоятельствах?

Семаргл шагнул вперёд, его лицо горело от стыда и вины.

– Мы играли, понимаете, просто играли! Я вообще ничего такого ему не сказал! Даже полетел потом, когда… В общем, не успел догнать, они исчезли!

Морена подхватила, её голос был резким, но в нём слышалось отчаяние:

– Да, мы вообще по льду катались, а они… – она указала на Семаргла, – они с мячиком что-то учудили… а потом драться начали.

Жива развела руками, её глаза блестели от слёз:

– Я пыталась их остановить, но… бесполезно.

– Кто подрался? Что за спор? – спросил Вышень, и его взгляд стал ещё пристальнее.

Лель, переминаясь с ноги на ногу, заговорил:

– Мы играли, а потом Перун обидел Велеса, они начали драться, а потом разбежались в разные стороны, оба обиженные! А потом она, – он указал на Живу, – тычет пальцем в небо, кричит ему, – показал на Семаргла, – «Догоняй!» Я смотрю, куда она показывает, а там Перун летит, не сам, а кто-то в лапах его держит. Странное какое-то существо. Я даже не успел опомниться, как они исчезли!

– Как оно выглядело? – обратился Вышень к Лелю, но взглядом окинул всех детей. – Кто запомнил?

Семаргл с жаром воскликнул:

– Я ж говорю, жало такое на хвосте! Как у скорпиона! Головы не видно было!

Вышень кивнул, и в его глазах мелькнула тень понимания.

– Ясно. – Он повернулся к Ладе. – Чернобога рук дело.

Лада нахмурилась, её сердце не принимало этого:

– Как так? У Чернобога жало? Я что, Чернобога никогда не видела? Откуда у него жало?

– Жала, может, у Чернобога и нет, – спокойно ответил Вышень. – Да и не станет он сам Перуна похищать. А вот кое-кого нанял для таких дел. Только вот зачем ему Перун? Узнаем, как только найдём.

– Где найдём? Как? У Чернобога? – спросила Лада, и в её голосе звучала надежда, смешанная со страхом.

– Вряд ли он у него, – задумчиво произнёс Вышень, потирая лоб. – Спрятан где-то. Высоко или глубоко. Думаю, ветер знает.

Иногда ответ приходит не от мудреца, не от книги, а от самого мира – если уметь его спросить. Ветер помнит каждый шорох в траве, каждое дуновение над рекой, каждый вздох украденного ребёнка. Он не судит – он свидетельствует. И тот, кто умеет слушать, слышит правду даже в шелесте листьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.